

УДК 327

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-1-10-120

## ДИПЛОМАТИЯ АЛБЕРТУ ФРАНКУ НОГЕЙРЫ: НА СТРАЖЕ ИМПЕРСКОГО НАСЛЕДИЯ

Шепелев М. А.

**Аннотация:** В статье рассматриваются особенности внешнеполитических воззрений и дипломатического стиля министра иностранных дел Португалии в 1961–1969 гг. Алберту Франку Ногейры (1918–1993). Ногейра полностью разделял и отстаивал на международной арене идеал многорасовой и плюриконтинентальной Португалии как суверенного государства, придерживающегося самостоятельного пути развития на основе «лузотропикализма». Он считал, что потеря заморских территорий (по крайней мере главных – Анголы и Мозамбика) станет фатальной для судьбы Португалии, так как поставит под угрозу её независимость, уменьшит национальную мощь Португалии по отношению к Испании и Европе, а также не позволит сохранить её экономическое и культурное влияние в мире. Исходя из этого, в статье раскрывается аргументация Франку Ногейры в защиту внешнеполитической позиции салазаровской Португалии в период острой фазы дипломатического кризиса в её отношениях с администрацией президента США Дж. Кеннеди.

**Ключевые слова:** внешняя политика Португалии, дипломатия, заморские территории, деколонизация, лузотропикализм, концепция «трёх Африк», Алберту Франку Ногейра, Антониу де Оливейра Салазар, Джон Кеннеди.

В середине XX в. мир переживал процесс распада колониальной системы, что воспринималось как прогрессивное движение. Однако существовали и страны, которые видели в нём скорее инструмент передела мира в интересах сверхдержав за собственный счёт. Прежде всего к таким странам относилась Португалия, на протяжении полутора десятилетий смело и решительно противостоявшая попыткам двух сверхдержав и многочисленных афро-азиатских государств заставить её встать на путь деколонизации. Поначалу мало кто, особенно за рубежом, верил, что она сможет выстоять перед столь сильным политическим давлением, однако до конца правления (сентябрь 1968 г.) и жизни (июль 1970 г.) основателя португальского «Нового государства» Антониу де Оливейры Салазара страна не сдавала позиции. Лишь произошедший в апреле 1974 г. военный переворот привёл к смене режима и политического курса Португалии, превратившейся с тех пор в маленькую страну на окраине Европы.

Важнейшую роль в отстаивании национальных интересов и защите Португальского мира играла португальская дипломатия, которую в 1961–1969 гг. возглавлял Алберту Франку Ногейра, по праву считающийся крупнейшим представителем португальского политического реализма. Не случайно его роль при Салазаре сравнивают с ролью Генри

Киссинджера при президентах Никсоне и Форде, хотя это и не совсем верно. С учетом того, что его личность и деятельность остаются совершенно неизвестными в нашей стране, ведущей сейчас решительную борьбу с «коллективным Западом», поставившем цель чуть ли не уничтожить Россию и Русский мир, представляется необходимым охарактеризовать особенности внешнеполитических воззрений и дипломатического стиля Алберту Франку Ногейры, что и является целью данной статьи.

Это был профессиональный дипломат, реалистически мыслящий и при этом страстно отстаивавший свои убеждения. Его незаурядные способности быстро получили признание, хотя его не аристократическое происхождение, круг общения и близкие к левым взгляды на внутреннее развитие страны, казалось бы, не должны были способствовать карьерному росту во Дворце Несессидадеш – министерстве иностранных дел Португалии. Тем не менее, рост этот был очень быстрым по тогдашним меркам. В 1941 г., следующем после окончания юридического факультета Классического университета Лиссабона, Франку Ногейра принял участие в конкурсе на должность атташе министерства. Уже в октябре 1945 г. 27-летний Ногейра был направлен в Японию в качестве поверенного в делах и одновременно представителя Португалии при верховном командовании союзников во главе с генералом Д. Макартуром. В 1954 г., после нескольких лет службы в центральном аппарате, он стал генеральным консулом в Лондоне, а в начале 1958 г. вернулся в Лиссабон в качестве заместителя генерального директора министерства по политическим вопросам и внутренней администрации.

В 1956 г., когда Ногейра был генеральным консулом в Лондоне, он выступал в Оксфорде с объяснением нежелания Португалии отказаться от своих африканских территорий. Вдруг в конце лекции, когда уже заканчивались вопросы докладчику, один чернокожий студент, – а в аудитории было много арабов и африканцев, – оспорил его заявление об отсутствии расизма у португальцев, обвинив консула в лицемерии и предложив ему, если он действительно не расист, жениться на чернокожей женщине. На это Ногейра невозмутимо заметил, что на самом деле обстоятельства его жизни никогда не давали ему такого шанса, но в любом случае теперь для него это невозможно, поскольку он уже женат на китаянке. Это было чистой правдой: 3 октября 1947 г., будучи главой португальской дипломатической миссии в Токио, он с разрешения министерства иностранных дел (полученного не без труда и с личного одобрения Салазара) сочетался браком с Верой Машаду Ван, отец которой был гоминьдановским дипломатом, а мать – португальской гражданкой. В аудитории наступила тишина, и студент, явно раздосадованный, смог лишь произнести: «О, простите, сэр!». На это Франку Ногейра ответил: «Зачем Вы извиняетесь, я очень счастлив со своей женой!». Он покинул аудиторию под аплодисменты и возгласы одобрения [1].

Ногейра полностью разделял идеал многорасовой и плюриконтинентальной Португалии как суверенного государства, придерживающегося самостоятельного пути развития на основе «лузотропикализма» и считал, что потеря заморских провинций (по крайней мере главных – Анголы и Мозамбика) станет фатальной для судьбы Португалии. Португальский мультирасизм означал для него не «простое и мирное этническое сосуществова-

ние, которого было бы достаточно, а <...> взаимопроникновение рас и культур и создание нового человеческого типа», лузотропического, но универсального человека, потому что «он толерантен и, будучи христианином, принимает и уважает другие религиозные формы; он имеет западные корни, но <...> принимает и интегрирует незападные технологии и цивилизации; будучи образованным и сформированным в соответствии с определенным стилем жизни, он понимает и адаптируется к другим стилям <...> и игнорирует расовые предрассудки», при этом все дружат по-человечески, «вне социального класса и культурного уровня» [2, р. 247]. Для него плодотворными нациями были в основном «те, в которых различные расы смешивались и интегрировались», в то время как «населенные одной расой», хотя они могут казаться стабильными и счастливыми, «мало способствовали прогрессу человечества» [3, р. 19]. В этом аргументе прослеживается некоторый обратный расизм: именно чистые расы оказываются неполноценными. Как и многие представители его поколения, Ногейра был убежден, что плюралистические в расово-этническом отношении государства, т.е. империи, в культурно-цивилизационном плане превосходят этнически однородные государства, и именно за ними будущее. В этом смысле он считал Португалию первопроходцем в этом великом историческом процессе.

Уже в первой половине 50-х гг. он участвовал в работе Комиссии по техническому сотрудничеству в Африке (к югу от Сахары), прозванной в коридорах ООН «клубом колониалистов», а с другой – на конференциях по обороне Африки. Тогда же он впервые побывал в португальской Африке с миссией в Мозамбике. В 1958 г. Ногейра возглавлял португальскую делегацию на 40-й конференции Международной организации труда, а в 1959 г. представлял Португалию на второй сессии Экономической комиссии ООН для Африки. Он регулярно участвовал в сессиях ГА ООН во второй половине 50-х гг., как на пленарных заседаниях, так и в 4-м комитете (по деколонизации), приобретая известность как решительный защитник колониальной политики *Estado Novo*, которая была названа «заморской» после пересмотра конституции 1951 г. и преобразования колоний в заморские провинции.

Франку Ногейра заметно выделялся своим умением держать удары т.н. афро-азиатского блока. В 1957 г. была опубликована его монография под названием «Борьба за Восток», которой он заявил о себе как претендент на роль «идеолога» португальской внешней политики. Будучи твердо уверенным, что защищаемые им территории являются португальскими провинциями, юридически и политически равными метрополии, он всегда утверждал, что в свете Устава ООН лиссабонское правительство не обязано предоставлять международному сообществу информацию о них и тем более вести их к самоопределению и независимости, сколько бы оно ни называло их неавтономными и ни обвиняло Португалию в применении к ним самых ретроградных методов колониализма.

В декабре 1959 г. ему был присвоен дипломатический ранг полномочного министра 1-го класса, и он был назначен генеральным директором. Так он стал «человеком номер два» во Дворце необходимости. Работая в тесном контакте с тогдашним министром иностранных дел Марселу Матиашем, Франку Ногейра сопровождал его во время нескольких официальных визитов. Стремясь покинуть министерство и вернуться в посольство

в Париже, Матиаш увидел в лице Ногейры своего преемника и назвал его имя Салазару.

В первые дни после подавления попытки военного переворота, известной как «Абрилада» и отмеченной косвенной причастностью США, Салазар предложил Ногейре возглавить внешнеполитическое ведомство. Хотя реакция его была отрицательной, Салазар не выказал ни удивления, ни раздражения, ни нетерпения, лишь сказал: «Я знаю, знаю, что Вы не салазарист, что Ваше происхождение не совпадает с моим, что у Вас другие представления о правительстве. Я знаю, что Вы находитесь в другой политической среде». Здесь Ногейра прервал его, чтобы сказать, что всё это действительно так, но без ущерба для его личного уважения и восхищения фигурой главы правительства. Салазар продолжил: «Но я также знаю, что Вы патриот, и я не прошу у Вас политических обязательств или деклараций в каком-либо смысле. Мы находимся в момент кризиса, причем кризиса национального, поэтому я зываю к Вашему патриотизму» [4, р. 14].

Затем он поставил перед Ногейрой три принципиальных вопроса: согласен ли он с африканской и внешней политикой правительства; считает ли он, что Португалия обладает достаточными ресурсами для их успешного проведения; и наконец, считает ли он, что стоит приложить усилия? Задав эти вопросы, Салазар подчеркнул: «Это всё, что я хочу знать». По сути, Салазар хотел узнать, есть ли у них общее видение того, какой должна быть большая национальная стратегия, т.е. жизненно важные национальные цели и необходимые средства для их защиты.

Поставив эти вопросы, Салазар замолчал, наблюдая за собеседником. Ногейра ответил, что «у него нет сомнений в том, что политика в отношении Ультрамара является правильной и в наибольшей степени отвечает национальным интересам». Что касается средств, то он был более скептичен или реалистичен, но всё же сказал, что «в долгосрочной перспективе» и при условии, что они будут использоваться с «упорством, хладнокровием и ясностью», то имеющихся средств «должно быть достаточно для победы». Он добавил, что «ни в коем случае нельзя сдаваться без боя». Такова была и точка зрения шефа Нового государства [4, р. 15].

Услышав ответ Ногейры, Салазар сказал: «Если это так, то я не понимаю, как можно отказаться от сотрудничества». Он не знал, сколько он сам и вся страна смогут выдержать накал разворачивавшегося противоборства с могущественными мировыми силами, но при всём этом призвал сидевшего в его кабинете ещё малоизвестного дипломата: «Давайте попробуем. Сколько мы продержимся? Не знаю. Три месяца? Полгода? У меня нет никаких сомнений и колебаний в отношении политики, но как далеко мы можем зайти? Посмотрим. Но это только между нами. Для общественного мнения, для страны у нас есть только уверенность и уверенность. Когда мы столкнемся с непреодолимым препятствием, тогда мы пересмотрим свои взгляды. Но надо исходить из того, что мы преодолеем все препятствия» [4, р. 15].

Затронув тему критики, которой его подвергала оппозиция, Салазар сказал: «И в чём же они меня обвиняют? Они утверждают, что международная обстановка неблагоприятна для нас. Да, это так. Но в чем тут вина правительства? Видите ли, они обвиняют меня в том, что я проиграл выборы в Бразилии и США. Но тогда, раз международная обстановка

в определённый момент неблагоприятна для нас, мы должны изменить свою политику? То есть интересы Португалии зависят от того, кто стоит у руля в Рио или Вашингтоне? Ни в коем случае. Смотрите: сидя в том кресле, где сейчас сидите Вы, генерал Ботелью Мониш говорил мне, что мы должны уступить или хотя бы сделать вид, что уступили, перед лицом американского или иного давления, и, по крайней мере, раскрасить фасад в те цвета, которые они хотят. Как будто другие позволят убедить себя притворством! Сказки! Мы не можем быть наивными и не можем думать, что другие наивны. А что касается МИДа, то я Вам ничего не скажу: Вы как никто другой знаете службу и работу» [4, р. 15–16]. И Ногейра согласился. Через две недели, 4 мая 1961 г., он был приведён к присяге в качестве министра иностранных дел Португальской республики.

Великое разделение «друг-враг» определялось тогда выбором между Африкой и Европой, иными словами – речь шла о противостоянии ультрамаристов против европейцев. Ультрамаризм Салазара и Ногейры был не столько чувством физической, самобытной и страстной причастности к заморским владениям (как у «африканцев» времён оккупационных кампаний или Первой республики), сколько убеждением, что потеря заморских территорий в перспективе поставит под угрозу независимость страны, уменьшит национальную мощь Португалии по отношению к Испании и Европе. Иными словами, они не сомневались, что без африканской критической массы дисбаланс на полуострове может привести к постепенной интеграции Португалии в иберийский блок. Более того, и глава правительства, и его министр были убеждены, что Португалия, лишившись политического и военного суверенитета, не сможет сохранить свое экономическое и культурное влияние в Ультрамаре. Именно это убеждение превратило либерального патриота Ногейру, как бескомпромиссного защитника национального единства и интеграции, в противника либеральной эволюции режима. Проще говоря, он не хотел торжества либеральной демократии ценой развала империи.

Начиная с 4 мая 1961 г. и почти до конца десятилетия дипломатический фронт находился под контролем Ногейры. С этого момента он стал главным внешним и внутренним лицом португальской политики, направленной на защиту заморских территорий. Это была политика Салазара, но новый министр, который изначально не принадлежал ни к консерваторам, ни к режиму, ни, тем более, к правящему Национальному союзу, разделял её, исходя из своих убеждений, и прежде всего из убеждения в том, что заморская проекция – это высшая гарантия независимости Португалии, без которой она не только потеряет национальную мощь, но и станет третьесортной страной, что поставит под угрозу сохранение ее суверенитета в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Для него было очевидно, что если Португалия хочет сохранить свою свободу в ближайшие десятилетия и столетия, то борьба за Африку является для неё делом, которое нельзя проиграть. Победа в борьбе за Ультрамар рассматривалась им как высшая цель нации.

С трибуны ООН, опровергая критиков Португалии, Ногейра, среди прочих аргументов, заявлял: «португальская нация, будучи разбросанной по нескольким континентам, не совершает преступления <...>. Мы видели, что география сама по себе не подразумевает никакой идеи колониализма <...> португальская нация является такой, какой она

была на протяжении 500 лет. <...> Нация едина, и туда, куда достигает нация, должно достигать и государство. Именно по этой причине наша конституция – унитарного государства – не допускает никакой дискриминации между различными территориями» [5, р. 219].

Он обращал внимание на то, что экономическое и социальное развитие Анголы и Мозамбика было гораздо выше, чем в африканских странах, которые недавно обрели независимость, но стали жертвами «самого непримиримого неокOLONиализма». При этом, призывая не путать социально-экономическое развитие с простым ростом, ибо подлинное развитие неотделимо от построения многорасовых обществ, он видел в расизме многих африканских государств фактор регресса, в том числе экономического, вызывавшегося вытеснением незаменимых белых кадров.

Согласно Ногейре, Африка необходима для жизнеспособности Европы как независимого центра влияния, так как без богатых ресурсами и демографически динамичных южных просторов европейские страны не имели бы надежды удержать свои позиции в борьбе с такими геополитическими гигантами, как США, Россия, а в перспективе – Китай и Индия. Нежелание Вашингтона считаться с этим он рассматривал как проявление незрелости американской внешней политики.

Также Ногейра подверг решительной критике тенденцию к унификации, характеризующую, по его словам, «ориентацию, которую Организация Объединенных Наций пытается придать <...> политической и социологической эволюции африканского континента». Он показывает, что на самом деле в Африке существуют «территории с чрезвычайно разнообразным статусом» – независимые страны, протектораты, отдельные колонии, федерированные территории, режимы опеки, департаменты, такие как Алжир, и суверенные места, подобные Сеуте, и т.д., что было обусловлено не случайностью, а «специфическими и особыми условиями каждой территории», поэтому их проблемы не могут и не должны «измеряться или решаться одним мерилom». Но при всём их многообразии Ногейра выделяет «три Африки» – арабскую с её традициями и «особой культурой», не имеющей ничего фундаментально общего с другими частями континента; черную, которая «всё больше и больше опасается арабов» и погружается в свои политические, социальные и экономические проблемы, которые «полностью» отделяют её от двух других частей; и южную, «многорасовую и поликультурную», которая включала в себя и португальскую Африку «с её уникальными особенностями» [3, р. 70–71]. Об этом он ведёт речь, в частности, на пресс-конференции 2 июня 1964 г.

Говоря о третьей Африке, он действительно имел в виду южную Африку: фактически, защищая португальский мультирасизм, он говорит только об Анголе и Мозамбике, никогда не упоминая Сан-Томе или Гвинею, и только южную Африку он имеет в виду, говоря о коммунистических переворотах, которые, «если бы они ударили по нам, ударили бы по Европе, Западу и Африке в самом прочном месте, обрушив одним махом несколько позиций» [3, р. 151]. Тем более что нет убедительных оснований критиковать в целом намерение применить «единое мерило» ко всей Африке, а затем защищать его в частном порядке по отношению к заморским территориям Португалии, которые столь

же разнообразны. Если бы эта теоретическая конструкция была доведена до логического завершения и применена, собственно, к многорасовой и поликультурной Португалии в форме идеи дифференцированного Ультрамара, она могла бы помочь найти практическое решение проблемы Гвинеи как её «ахиллесовой пяты», отделив гвинейское «осиное гнездо» от развития Анголы и Мозамбика. В свою очередь, такая дифференциация территорий Ультрамара, с наделением их разными функциями и статусом, разной важностью или ценностью, позволила бы им обрести разную политическую судьбу, причём независимость одного из них не должна была фатально потянуть за собой все остальные, падающие как костяшки домино. И тогда две главные португальские заморские провинции как неотъемлемые части юга Африки могли бы сформировать многорасовый африканский полюс, который присоединился бы к Бразилии и остальной Южной Америке и обеспечил, чтобы Южная Атлантика оставалась «западным озером».

Салазар также затронул вопрос о «трёх Африках» в своей речи в ноябре 1967 г. (ранее он уже затрагивал его в апреле 1961 г. в интервью бразильскому журналисту). А в мае 1968 г. он направил в Гвинею в качестве губернатора и главнокомандующего генерала Антониу де Спинолу, о реформистских и автономистских наклонностях которого он, похоже, был полностью осведомлен. На основании этих фактов Мануэль де Лусена выдвинул гипотезу о том, что Салазар и его министр допускали для Гвинеи особое решение, которое следовало искать в рамках теории «трёх Африк», в ущерб, вероятно, многорасовому проекту, для развития которого не хватало времени в этой колонии, где белого населения было мало.

Более того, существует версия, согласно которой вторжение в Португальскую Индию в конце 1961 г., а также некоторые проявления внутреннего бунта – попытка нападения на казармы Бежа – привели к тому, что Ногейра представил Салазару предложение (составленное Андре Гонсалвишем Перейрой) о переговорах по части колоний и заморских территорий, а именно в отношении Макао, Тимора, Сан-Томе и Принсипи и Гвинеи, с целью укрепления национального и европейского присутствия в остальных. Президент Совета, естественно, отклонил это предложение, которое не должно было быть таким уж беспрецедентным, как можно было бы предположить, учитывая, что Каулза де Арриага выступал за нечто подобное в 1958 г. в документах, которые были ограничены для распространения в португальских ВВС. Однако в любом случае США нужна была в первую очередь независимость Анголы.

Франку Ногейра видел проблему в том, что от Португалии требовали полного удовлетворения требований африканского блока или амбиций тех, кто не является африканцами, но стоит за африканским блоком и действует под его прикрытием и ради его целей. Но в свете самого Устава ООН Португалия не обязана направлять свои заморские территории, юридически и политически равные метрополии, к самоопределению и независимости, сколько бы кто ни называл их самоуправляющимися и ни обвинял Лиссабон в практике самого ретроградного колониализма. Ибо сами такие обвинения и подстрекательства – не что иное, как злонамеренные попытки вмешательства во внутренние дела суверенного государства в стремлении расчленить его, чтобы открыть

путь, ссылаясь на благочестивые принципы, к удовлетворению прожорливых appetitов и к установлению деспотического мирового господства в ситуации, характеризующейся упадком европейских держав, конкуренцией со стороны новых империализмов и угрозой окружения Запада коммунистическим миром.

События в Анголе ранней весной 1961 г. и журналистская шумиха, поднятая вокруг резни, устроенной УПА на севере этой заморской территории, стали мотивирующими факторами для консолидации вокруг режима и даже привели к тому, что люди, известные своим укоренившимся республиканизмом и отсутствием симпатий к Новому государству, в конечном итоге поддержали политику защиты Ультрамара, которую начал проводить Салазар. Когда в повестке дня Совета Безопасности ООН по инициативе Либерии возник вопрос об Анголе, а американский голос впервые оказался враждебным по отношению к Португалии, для Франку Ногейры стало понятно: «Здесь существует некий план США, цель которого – вытеснить Португалию из Африки, но остальной Запад ещё не понял этого и не пошёл на поводу у Вашингтона при голосовании в Совете Безопасности».

Уже 7 мая 1961 г., через месяц после своего назначения министром, Франку Ногейра встретился в Осло с государственным секретарем США Дином Раском. На этой встрече Раск, который произвёл на Ногейру «впечатление серьезного и искреннего человека», убеждал его в том, что американское общественное мнение враждебно настроено к португальской политике в Африке, и настаивал на необходимости срочного проведения реформ в африканских провинциях Португалии. Госсекретарь имел в виду реформы, которые приблизили бы политику Лиссабона в Африке к той, что требует ООН, видя в них способ направить Португалию по наиболее удобному для США пути. По словам Ногейры, «Раск не оставил у меня сомнений в том, с какой простотой он видит все проблемы, и в его убежденности, что достаточно одного слова Соединённых Штатов, чтобы всё было решено к его удовлетворению» [6, р. 61].

Учитывая всю сложность и важность отношений с Португалией, в том числе в контексте отношений со странами НАТО, администрация Кеннеди создала в июне 1961 г. специальную межведомственную Целевую группу по португальским территориям, перед которой была поставлена задача проанализировать вопрос о португальских колониях и предложить наилучшую политику, которой должны следовать США в данном вопросе. Рекомендации этой группы стали основой меморандума о действиях в области национальной безопасности от 18 июля 1961 г., в котором, среди прочего, оговаривалось, что США не должны разрешать коммерческий экспорт оружия обеим сторонам конфликта, одновременно прилагая все усилия к тому, чтобы Португалия не перенаправляла в Африку вооружение, поставляемое в рамках НАТО.

Реагируя на такой поворот в политике США, Ногейра указывал на то, что «на политическом уровне решение США, которые являются союзниками, должно рассматриваться как недружественное по отношению к Португалии и сопряженное со многими рисками в критический момент, когда Берлинский кризис требует великого единства Запада». Более того, Португалия «больше не будет заинтересована в победе Соединённых Штатов над Россией, если Португалия проиграет в этом процессе». Сообщая об этом

разговоре в Вашингтон, посол отмечал, что «это последний гвоздь в гроб португальско-американских отношений»

А 7 сентября 1961 г. на заседании Совета НАТО португальское правительство устами Ногейры обнародовало обвинения в существовании тесных контактов между США и африканскими националистическими организациями. В длинной и эмоциональной речи на сорока двух страницах новый португальский министр отверг обвинения, выдвинутые против Португалии странами афро-азиатского блока, а также нападки США на ООН. Описывая ситуацию в Ультрамаре, он стремился показать, что «на всех португальских территориях царит мир», без «малейших волнений» и нигде нет «проявлений национализма за пределами португальской нации» или угроз «безопасности и миру кого бы то ни было». А что имеет место, так это намерение внешних сил «создать кризис» во всех заморских провинциях, как это произошло в Анголе. Именно на фоне этого кризиса возник план, «задуманный афроазиатами и коммунистами, поставить Португалию в неловкое положение везде, где только возможно», обвинив её в «угрозе международному миру и безопасности» и передав дело в ООН. Столкнувшись с этой ситуацией, США своим отношением к Португалии как к «угрозе миру во всем мире» показали, что они с ней согласны. По мнению Ногейры, «именно наши собственные союзники <...>, которые призывают нас «сотрудничать» с ООН, присоединяются к афро-азиатскому и коммунистическому большинству, подчеркивая такое отношение» к Португалии.

Учитывая, что западные державы были «по-настоящему напуганы» афро-азиатскими делегациями в ООН и «всегда стремились идти на компромисс и соглашаться с ними», Ногейра поставил под сомнение «западную солидарность». Отсутствие этой солидарности означало, что альянс погряз в «постоянных противоречиях» и «рано или поздно» достигнет «точки разрыва». В заключение министр иностранных дел Португалии призвал восстановить утраченную солидарность и попросил «представленные здесь правительства» не придавать «Организации Объединенных Наций и афро-азиатской демагогии больше значения, чем они заслуживают».

Можно сказать, что Ногейра ежедневно был свидетелем того, как «с течением времени враждебность американской политики росла». Он отмечал следующие аспекты этой тенденции: «а) отказ от продажи вооружений и контроль за использованием тех, что были нам проданы; б) постоянное давление на дружественные и союзные правительства с целью заставить их занять недружественную позицию; в) давление на правительства афро-азиатских стран с целью изоляции Португалии и поддержания их растущей агрессивности; г) лоббирование американской прессы, чтобы она не ослабляла свою антипортугальскую кампанию; д) прием в госдепартаменте и на высоком уровне лидеров партизан; е) в качестве окончательного, по их мнению, удара Вашингтон дал премьер-министру Неру «зеленый свет» на вторжение и захват Гоа» [7].

Приводя примеры двуличности американской политики в тот период, Ногейра упоминает, как в Лиссабоне эмиссары Вашингтона заявили, что если португальское правительство склонит в свою пользу некоторые африканские правительства, то Вашингтон также поддержит его, но когда в США понимали, что португальцы добились успеха в

контактах с тем или иным африканским правительством, то немедленно прибегали к запугиванию, доходящему до угрозы прекратить всю американскую помощь. Другой пример: когда Германия продала Португалии несколько старых американских самолетов, которые она считала бесполезными и которые она купила у Канады, США «заставили» Канаду пригрозить Германии конфликтом, если она не отменит эту сделку, и в итоге Германия пошла на компромисс и была вынуждена купить несколько новых самолетов в Италии, которые продала Португалии по цене старых, чтобы сдержать своё слово. Ещё один пример, приводимый Ногейрой: «американское правительство заявило, что по соображениям внутреннего и международного общественного мнения оно не может проголосовать против жестоких текстов, представленных в ООН, хотя и «сожалеет», что такие тексты были поставлены на голосование; но именно американская делегация сама подготовила эти тексты и призвала афро-азиатские делегации принять их; а потом пришла к португальской делегации, чтобы сказать, что из дружбы с Португалией ей удалось добиться «удаления» из резолюции более оскорбительной фразы или слова. И так далее» [7]. Для Ногейры было более чем очевидно, что цель политики «Новых рубежей» – заставить Португалию немедленно покинуть Африку. Это намерение было очевидно и для всех иностранных правительств, внимательно следивших за проблемой, и по этой причине его не поддержали те, кто не желал усиления влияния США в Африке – прежде всего это правительства Франции и ФРГ.

20 октября 1961 г. Франку Ногейра впервые посетил Белый дом и встретился с президентом Кеннеди, который пояснил, что основной проблемой в отношениях США с Португалией является проблема Африки, но у США нет никаких интересов на этом континенте, кроме противодействия его попаданию под советское господство. Поэтому они поддерживают самоопределение как средство предотвращения коммунистического проникновения, и успех этой политики проявился в том, что ни одно из новых независимых африканских государств не было коммунистическим. Возражая ему, Ногейра указал на то, что «не в интересах России, чтобы какое-либо из новых государств сейчас провозгласило себя коммунистическим; это вызовет страх Запада и может сдержать его в проводимой политике; России выгодно, чтобы Запад продолжал преждевременно предоставлять независимость африканским территориям и покидал континент; а когда все политические связи между Африкой и свободным миром будут разорваны, тогда Москве придет время двигаться вперед, и наверняка возникнет множество народных республик. Поэтому я бы сказал, если президент мне позволит, что чем больше Запад в борьбе за популярность в третьем мире пытается превзойти предполагаемый советский антиколониализм, тем больше он подчиняется ему и играет на руку Советскому Союзу» [6, р. 64–65].

Как неоднократно заявлял Ногейра, предоставление независимости африканским странам в большинстве случаев не соответствовало подлинной деколонизации. Напротив, оно представляло собой замаскированную форму глобальной борьбы за власть, а также новый раздел Африки, который приведет к неоколониализму экономической эксплуатации с целью поиска сырья и завоевания рынков. Передача суверенитета малым элитам в их исключительных интересах не обеспечивала эффективности и независи-

мости управления, а следовательно, не приносила пользы населению, которое почти во всех случаях страдало от последствий отката. Несмотря на это, силы, стремящиеся к экономической или политической гегемонии (основными выразителями которой были СССР и США, а также некоторые бывшие колониальные державы), воспользовались эмоциональностью ООН и навязали ей принцип независимости с помощью политической программы, не учитывающей готовность территорий и населения.

Напротив, португальский подход ставил политическую эволюцию в зависимость от процесса социальной эволюции, так что рост политической и административной ответственности на протяжении всего этого эволюционного процесса должен был бы соответствовать способности кадров принимать и исполнять эту ответственность. Португальские власти понимали, что такой процесс может быть медленнее, хотя и только внешне, но он, несомненно, серьезнее и основательнее, и они искренне верили, что он единственно безопасен и имеет долгосрочный эффект. Этим, в частности, объяснялась неспособность Португалии сотрудничать с ООН, которая уже официально провозгласила принцип, согласно которому неготовность территорий и населения к независимости не должна приниматься во внимание.

Ногейра считал, что этот «демагогический принцип», как и тот факт, что ООН является инструментом конкурирующих интересов в холодной войне и стратегическом и экономическом завоевании Африки, давали Португалии абсолютную уверенность в том, что любое сотрудничество будет фатально способствовать разрушению уже достигнутого в Португальской Африке материального и духовного прогресса, и сделает неосуществимыми цели, суть которых сводилась к построению и структурированию многорасового и равноправного общества, с равными правами и возможностями для всех, в зависимости от их способностей и квалификации. Подобная социальная программа не могла принять ни жестких критериев ООН, ни демагогического давления, ни предварительного установления сроков, которые в условиях честности нашей работы не могли иметь никакого значения.

Была и другая проблема, которую, в частности, Ногейра обсуждал во время визита в Лиссабон 25 марта 1962 г. канцлера Бразилии Сантьяго Дантаса. Речь шла о неоднородности заморских территорий Португалии. Если Ангола и Мозамбик были крупными по площади, населению и ресурсам, то Гвинея, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи никогда не могли с ними сравниться. Поэтому в понимании Ногейры призывы к независимости этих трех территорий, по сути, означали согласие на доминирование в них третьих государств, полную зависимость от них.

Находясь в Афинах на очередной сессии Совета НАТО, министр иностранных дел Португалии 4 мая 1962 г. провёл переговоры с госсекретарем США Дином Раском. В ходе обсуждения вопроса статуса заморских территорий Ногейра отметил, что Ангола и другие территории обладают гораздо большей автономией, чем многие из новых якобы независимых государств. Но автономия или самоопределение в португальском понимании – это не автономия или самоопределение ООН, и поэтому она не считалась ею действительной, но США отдали предпочтение именно ооновскому пониманию этого термина.

Когда Раск спросил, не могло бы португальское правительство более подробно остановиться на понятии «внутреннее самоопределение» и придать ему более широкую огласку, Ногейра увидел в этом вопросе очередное проявление той техники, которую взяли на вооружение США по отношению к Португалии – «оказывать постоянное давление, постоянно требовать большего, позволять нам мельком увидеть возможные изменения в нашем отношении, но никогда не быть удовлетворенными, всегда требовать еще одного шага за нашим». Поэтому он постарался чётко и твердо сказать Раску, что дальнейшее давление со стороны США бессмысленно. «Более того, – отметил он, – мы не готовы позволить, чтобы с нами так обращались, особенно со стороны правительства, которое заявляло, что действует во имя принципов, но на самом деле руководствовалось совсем другими соображениями и не имело ничего общего с провозглашенными им принципами» [6, р. 106–107]. Затем он упомянул о фактах, доказывающих враждебность американского правительства по отношению к Португалии. Министр описал деятельность Американского комитета по Африке, приведя имена, цифры и факты, и добавил, что вся эта деятельность была возможна только при попустительстве, если не сказать – поощрении, со стороны правительства США. На это Раск ответил, что АСА – это частная организация, в отношении которой правительство не имеет никаких полномочий, но этот аргумент не мог убедить Ногейру.

Также министр упомянул американскую помощь УРА. Вожди террористов принимались в США, получали поддержку, финансирование и консультации; УРА получала оружие, транспорт, деньги и обучение от сил ООН в Конго, и всё это оплачивалось американцами. Раск отрицал это. Он признал, что американцы покупали у УРА определенную информацию, но денег, которые они платили за эту информацию, хватало будто бы на покупку одного легкого пулемета в месяц. Ногейра не скрывал своего скептицизма и высказал убеждение, что, если бы американское правительство захотело, терроризм прекратился бы через 48 часов, а силы ООН прекратили бы всякую помощь.

Затем министр упомянул о деятельности многочисленных американских дипломатических «курьеров» в Анголе, которую португальские власти были вынуждены приостановить, поскольку это был самый настоящий шпионаж. Раск с некоторой энергией заявил, что у Португалии нет такого права. В ответ Ногейра выразил готовность согласиться с ним, но только если он признает, что «курьеры» также не имеют права быть шпионами. Раск ответил, что он даст нам гарантии в этом отношении. Я заметил, что в этом случае мы больше не будем ограничивать число «курьеров». Участвовавший в беседе Уэст заметил, что Ангола – единственная цивилизованная территория в Африке к югу от Сахары, поэтому многие американские дипломаты хотят поехать туда на отдых. На это Ногейра не мог не отметить, что было бы справедливо, если бы г-н Стивенсон говорил о «цивилизованности» Анголы с трибуны ООН [6, р. 111].

Ногейра считал неременным условием достижения взаимопонимания большую гибкость политики Вашингтона. Однако он сталкивался с тем, что утверждения США о нежелании изгонять Португалию из Африки не подтверждались последовательными шагами в американской политике. А самая большая трудность заключалась в том, что

США всегда уклоняются от определения того, что они имеют в виду, когда говорят о сохранении португальского присутствия в Африке. Для португальского правительства крайне важно было подробно знать американские представления на этот счет. Ноейру не устраивало также постоянно повторявшееся требование определения сроков, ограничений и заранее продуманных целей в отношении португальской политики в Африке, так как португальскому правительству представлялось немыслимым честно описать, какой будет ситуация через пять или десять лет. Иными словами, как заметил Ноейра, «мы оставляем всё на усмотрение естественной эволюции обществ и институтов, а американцы хотят, чтобы мы исходили из дат, сроков и заранее определенных целей, как если бы можно было технически спланировать эволюцию человеческого общества».

На очередной встрече с Кеннеди, состоявшейся в разгар Карибского кризиса, Ноейра представил президенту США развернутую картину общей ситуации в Африке с португальской точки зрения и подчеркнул политические, экономические и стратегические опасности, с которыми сталкивается Запад. Когда Кеннеди попросил сделать некое заявление, которое позволило бы «друзьям Португалии» поддержать её, Ноейра объяснил, что «за расплывчатым заявлением последует необходимость точного заявления, за точным заявлением о намерениях на долгосрочную перспективу – необходимость заявления на краткосрочную перспективу, а Соединенные Штаты именно по тем же причинам, на которые сейчас ссылаются, всегда будут вынуждены поддерживать наших противников, причем всегда с целью привлечь на сторону Запада умеренных лидеров Африки. Неужели президент не понимал, что он удовлетворит этих умеренных лидеров только тогда, когда все позиции будут проиграны в их пользу? Возможно, тогда они встанут на сторону США (в чем я сомневаюсь), но тогда сомнительно, что нынешние союзники продолжат выступать на стороне Соединенных Штатов. Если Соединенным Штатам удастся добиться успеха своей нынешней политики, то в лучшем случае они смогут заменить одних союзников другими, и Вашингтон сам решит, кого он предпочтет – нынешних, надежных и ценных, или будущих, неопределенных; но может случиться и так, что он потеряет и тех, и других». Кеннеди слушал молча, не перебивая, не опровергая и не комментируя. Он лишь повторял: «Да, возможно, мы можем ошибаться».

Твердость португальской позиции способствовала тому, что уже в последний год президентства Кеннеди политика США в отношении Португалии стала смягчаться. Эта тенденция особенно усилилась после выстрелов в Далласе и прихода в Белый дом Линдона Джонсона. Теперь американскую политику характеризовали следующие отмечаемые Ноейрой признаки: «а) гораздо реже и гораздо более расплывчато и абстрактно декларируются принципы, противоречившие политике Португалии в то время; б) меньше поддержки получали партизанские группы как в политическом, так и в финансовом и военном плане; в) меньше вмешательства американских организаций, которые, якобы частным образом, проводили политику госдепартамента или ЦРУ за рубежом, не неся за это прямой ответственности; г) выполнение некоторых португальских запросов на военные поставки; д) ослабление оппозиции в ООН; е) явное сокращение кампаний в прессе против Португалии; ж) гораздо меньшее давление на правительства третьих

стран, чтобы они стали враждебно относиться к Португалии» [7].

Справедливо оценённый биографами как «неутомимый и непоколебимый апостол целостности нации», Франку Ногейра возглавлял внешнеполитическое ведомство Португалии в период серьезных испытаний, которые многие националисты воспринимали как настоящую дипломатическую битву. Именно поэтому 1 июля 1966 г. он был удостоен высшей военной награды Португалии – Большого креста древнего и благороднейшего Военного ордена Башни и Меча за доблесть, верность и заслуги, – наряду с великими военными героями, всего лишь двумя другими министрами иностранных дел и очень немногими гражданскими лицами. Это гарантировало ему даже в условиях чуждого ему демократического режима государственные похороны с воинскими почестями в Жеронимуше – ритуал, достойный национального лидера.

Столкнувшись с выбором президента республики Америку Томаша в пользу Марсела Каэтану в качестве преемника Салазара, Ногейра хотел покинуть министерство, так как испытывал вполне обоснованные сомнения в том, что новое правительство продолжит политику защиты Ультрамара. Он считал Каэтану слишком политически нерешительным и европейски мыслящим, чтобы он мог защитить заморские территории. Его собственный авторитет, завоеванный во многом благодаря способности к «качественным и энергичным публичным выступлениям», ставшей одной из сильных сторон его политического облика, делал Ногейру достойным преемником на посту президента Совета, однако этого не произошло.

Покидая правительство по собственному настоянию, Франку Ногейра в речи на церемонии прощания с сотрудниками министерства, произнесённой в присутствии Марсела Каэтану, подтвердил стремление защищать «Анголу, Мозамбик, Гвинею и другие провинции», заявив, что сохранение этих территорий стоит больше, чем поддержание хороших отношений с ООН, этой «упаднической и импотентной организацией». Он был убеждён, что потеря заморских территорий поставит независимость Португалии под серьезную угрозу, и опровергал миф о Европе, «где у нас нет жизненно важных интересов, которые нужно защищать». По его словам, «было бы, по меньшей мере, абсурдно для нас, португальцев, имеющих обширное экономическое пространство, основанное на прочном политическом единстве, разрушить его и развалить, отказавшись от конструкции, в которую мы все интегрированы, в другую, где доминируют другие и где мы были бы ничем» [7].

Убеждённый в том, что войну в заморских провинциях выиграет тот, у кого окажется больше силы воли, Ногейра указывал на необходимость позаботиться об «идеологической защите нации», поскольку его очень беспокоила возможность того, что оппозиция продолжит ставить под сомнение политику бескомпромиссной обороны Ультрамара. В частности, он опасался враждебной «односторонней и систематической индоктринации», указывая на то, что недопустимо задавать провокационные вопросы стране «каждые двадцать четыре часа», даже если кажется, что «мир идет в другом направлении». Ибо нельзя внушать народу самоубийственные идеи, так что не следует даже гипотетически допускать альтернативу победе – ведь само такое допущение означает «психоло-

гическое ослабление, начало неверия, рассеивание сил» [7].

В 1979 г. он опубликовал свои «Запретные диалоги» («Dialogos Interditos. A política externa portuguesa e a guerra de África») – записи о своих переговорах 60-х гг. по важнейшим узлам противоречий, в которые была вовлечена Португалия. В них он наиболее чётко выразил своё стремление к тому, чтобы португальцы могли понять «независимую и непреклонную решимость, с которой отстаивались национальные интересы». В этом и заключалась его борьба за историю, которая для него была продолжением перманентной борьбы за национальные интересы страны, которую он вёл на международной арене.

Исходя из того, что «нация – это реальность», прежде всего для ее граждан, у них есть – или должно быть – видение, идея, концепция своей страны, включая образ её прошлого, картину её настоящего и перспективу её будущего, а также «почти физическое ощущение своей родины в пространстве и времени» [6, р. X]. Согласно Ногейре, «внешняя политика – это проецирование этого чувства и этих представлений за пределы страны. Она навязывает национальную реальность третьим лицам и защищает ее: она действует так, чтобы третьи лица приняли ее, поверили в нее и увидели ее так, как видят сами граждане. Внешняя политика – это обеспечение трансформации национального консенсуса в международный консенсус; это утверждение и обеспечение уважения уникальности отдельной человеческой группы среди наций. Вот почему внешняя политика никогда не заканчивается: она никогда не может быть завершена: это постоянная борьба» [6, р. X–XI].

Эта борьба не должна зависеть от прихотей, эмоций или предпочтений одного человека или группы людей, от смены режимов и правящих партий. «Если внешняя политика соответствует, как и положено, постоянным интересам нации, она не может быть изменена из-за того, что одна партия сменяет другую в правительстве страны». А это значит, что «внешняя политика не может быть маятниковой, колеблющейся в своих принципах и целях» [6, р. XII]. В свою очередь, именно она должна определять характер внешних сношений государства, а не сама диктоваться факторами международной среды. По словам Ногейры, «из наличия внешних сношений не следует, что у вас есть внешняя политика: они служат для ее реализации, а если нет внешней политики, то внешние сношения лишены содержания и смысла» [6, р. IX].

На протяжении восьми с половиной лет Алберту Франку Ногейра, придерживаясь этого принципиального подхода, руководил внешнеполитической деятельностью своей страны, успешно противостоя враждебному международному окружению, руководствуясь «постоянными интересами страны», смотря на события «в долгосрочной перспективе», не поддаваясь «впечатлению новизны» и отсеивая «эфемерное от долговременного», не стремясь «наивно торопить события» и всегда помня, что «инициативы и предложения, выдвигаемые правительствами или странами, направлены на защиту собственных интересов, а не чужих; но для того, чтобы убедить других, они всегда преподносят их во имя высоких идеалов и принципов, чтобы лучше замаскировать и скрыть истинную цель» [6, р. XII–XIII].

## Список литературы / References

1. Matias, M. Franco Nogueira. Homenagem pelo seu centenário. – URL: [https://idi.mne.gov.pt/images/Marcello\\_Mathias\\_MDM.pdf](https://idi.mne.gov.pt/images/Marcello_Mathias_MDM.pdf)
2. Nogueira, A.F. Debate Singular. – Lisboa: Ed. Ática, 1970.
3. Nogueira, A.F. Terceiro Mundo. – Lisboa: Ática, 1967.
4. Nogueira, A.F. Um Politico Confessa-se (Diario 1960–1968). – Porto: Ed. Civilização, 1986.
5. Nogueira, A.F. As nações unidas e Portugal. – Lisboa: Ática, 1962.
6. Nogueira, A.F. Dialogos Interditos. Parte primeira (1961–1962–1963). – Braga – Lisboa: Ed. Intervenção, 1979.
7. O Memorial Secreto de Franco Nogueira (documento publicado pelo jornal “Público” nos dias 25 e 26 de Abril de 1993). – URL: <https://macua.blogs.com/files/memorial-secreto-de-franco-nogueira.pdf>

## Сведения об авторе

Шепелев Максимилиан Альбертович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь)

Email: [ma\\_shepelev@mail.ru](mailto:ma_shepelev@mail.ru)

Shepelev M. A.

## ALBERTO FRANCO NOGUEIRA'S DIPLOMACY: GUARDING THE IMPERIAL HERITAGE

**Abstract:** *The article deals with the peculiarities of foreign policy views and diplomatic style of the Portuguese Foreign Minister in 1961-1969. Alberto Franco Nogueira (1918-1993). Nogueira fully shared and defended in the international arena the ideal of a multiracial and pluricontinental Portugal as a sovereign state pursuing an independent path of development based on 'lusotropicism'. He believed that the loss of overseas territories (at least the main ones - Angola and Mozambique) would be fatal for Portugal's destiny, as it would jeopardise its independence, reduce Portugal's national power in relation to Spain and Europe, and prevent it from maintaining its economic and cultural influence in the world. On this basis, the article reveals the argumentation of Franco Nogueira in defence of the foreign policy position of Salazar Portugal during the acute phase of the diplomatic crisis in its relations with the administration of US President J. Kennedy.*

**Keywords:** *Portuguese foreign policy, diplomacy, overseas territories, decolonisation, lusotropicalism, the concept of 'three Africas', Alberto Franco Nogueira, António de Oliveira Salazar, John F. Kennedy.*

Shepelev Maximilian Albertovich – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol).

Email: [ma\\_shepelev@mail.ru](mailto:ma_shepelev@mail.ru)